

# Историческое развитие антигендерного движения в России (1991–2025): формулирование проблемы

Neurodis, 2026

Данное исследование представляет собой комплексный историко-дискурсивный анализ формирования, развития и институционализации антигендерного дискурса в России с 1991 по 2025 год. Работа выполнена в русле критического дискурс-анализа Н. Фэркло и структурно-конструктивистского подхода к гендеру Р. Коннел, что позволяет рассматривать дискурс не просто как совокупность высказываний, а как инструмент производства и закрепления властных отношений и социальных иерархий. Ключевая теоретическая рамка исследования строится вокруг понятий «дискурс», «власть-знание» (М. Фуко), «гегемония» (А. Грамши) и «гегемонный дискурс» (Э. Лакло, Ш. Муфф). Гендер понимается как исторически сконструированный паттерн властных отношений, а антигендерный дискурс — как вид правополитического дискурса, который, апеллируя к «традиционным ценностям» и «национальной безопасности», противопоставляет себя идеям гендерного равенства и сексуальной свободы, устанавливая жесткие, иерархичные представления о мужественности и женственности.

**Новизна работы** заключается в комплексном сравнительном анализе антигендерного дискурса в отношении двух ключевых групп — ЛГБТ+ сообщества и женщин — на протяжении постсоветского периода. Уникальная источниковая база включает не только нормативные акты и публикации в СМИ, но и материалы частного архива Елены Гусятинской, что позволило реконструировать ранние этапы формирования антигендерной риторики в 1990-е годы, мало представленные в историографии.

## Основные выводы исследования:

- 1. Антигендерный дискурс как целостная гегемонная система.** Проведенный анализ доказывает, что антигендерный дискурс в современной России не является набором разрозненных высказываний. Он функционирует как единая система

знания, в рамках которой квир-сообщество и женщины выступают элементами одного нормативного порядка, выстраиваемого вокруг представлений о «традиционной семье», демографической безопасности и стремления государства регулировать частную сферу.

**2. *Различные, но комплементарные стратегии в отношении двух групп.*** При структурном единстве целей дискурс использует принципиально разные механизмы:

- **В отношении ЛГБТ+ сообщества:** доминируют стратегии стигматизации и исключения. Сообщество конструируется как экзистенциальная угроза: демографическая, моральная, цивилизационная. Дискурс патологизирует и криминализирует негетеронормативность. Нормативное закрепление идет по пути запретительной модели (законы о «пропаганде», запрет трансгендерного перехода, признание «движения ЛГБТ» экстремистским).
- **В отношении женщин:** доминируют стратегии патернализма и мобилизации. Женщины репрезентируются как ресурс, подлежащий контролю и направлению в «правильное» русло материнства. Дискурс экономизирует репродуктивную функцию, нормализует материнство как «естественный» и «государственно-значимый» сценарий. Нормативное закрепление идет по пути стимулирующе-ограничительной модели.

**3. *Глубокая историческая укорененность дискурса.*** Истоки современных дискурсивных стратегий прослеживаются уже в 1990-е годы. Анализ прессы этого десятилетия выявил устойчивые механизмы патологизации, криминализации и конструирования образа «внутреннего врага» в отношении ЛГБТ+ сообщества, а также эссенциалистские установки в отношении женщин, артикулированные прежде всего религиозными институтами.

**4. *Ключевая роль «дискурсивной коалиции» государства и церкви.*** Русская православная церковь выступает ключевым союзником государства. Церковный дискурс не просто дублирует государственный, а выполняет функции его моральной легитимации, радикализации и конкретизации.

**5. *Парадоксальная двойственность и деполитизация репрессий.*** Характерной чертой антигендерного дискурса является его внутренняя противоречивость: репрессивные меры постоянно сопровождаются заявлениями о праве на частную жизнь и отсутствии дискриминации. Эта риторика маскирует

структурное насилие, представляя ограничительные меры как нейтральную и необходимую защиту общества, детей и «традиционных ценностей». Ключевым инструментом здесь становятся размытые и идеологически нагруженные понятия: «нетрадиционные сексуальные отношения», «пропаганда», «деструктивная идеология» и «чайлдфри», что позволяет расширительно толковать законы и усиливать контроль над публичным пространством.

- 6. Эволюция к гендерному этатизму после 2022 года.** Период после февраля 2022 года знаменует переход к гендерному этатизму, где государство присваивает себе исключительное право определять биологическую судьбу (запрет смены пола), репродуктивное поведение (антиабортные меры) и публичную идентичность граждан (расширение законов о «пропаганде»). Антигендерная политика становится неотъемлемой частью традиционализма, консолидируя запретительные меры в отношении ЛГБТ+ и стимулирующие — в отношении женщин, подчиняя их единой логике «национальной безопасности» и «демографического выживания».

Исследование демонстрирует, что антигендерный дискурс в России следует рассматривать не как реакцию на отдельные социальные группы, а как структурный элемент государственной идеологии. Различие форм не отменяет единства цели: закрепление патриархального, гетеронормативного порядка и ограничение автономии индивида в вопросах гендера и сексуальности как условия сохранения гегемонии власти.